

Время Павла I (1796-1801)

Лишь с недавнего времени личность и судьба императора Павла получили надлежащее освещение в исторической литературе. Кроме старого, но не стареющего труда Д. Ф. Кобеко «Цесаревич Павел Петрович» мы имеем теперь для общего ознакомления с царствованием Павла труды Е. С. Шумигорского («Имп. Мария Федоровна», «Е. И. Нелидова» и «Имп. Павел I»), в которых господствует благожелательное отношение к Павлу, и затем монографии Н. К. Шильдера («Имп. Павел» и «Имп. Александр I») с тенденцией против Павла. Кроме того, ценны по материалам и по изложению отдельных сторон павловского времени: Панчулидзева «История кавалергардов», т. II; Брикнер «Смерть Павла I» и сборник «Цареубийство 11 марта 1801 года» (СПб., 1907). В самое последнее время (1916) вышел обстоятельный труд проф. М. В. Ключкова «Очерки правительственной деятельности времени императора Павла I», в котором сделана попытка научного изучения внутреннего управления России при Павле. С освобождением павловской эпохи от условий государственной тайны наука получает возможность не только изучить причины странностей этого государя и обстоятельств его смерти, но и понять его психологию и истинные мотивы возмущения против него.

Личность и внутренняя деятельность императора Павла I.

Наследовавший императрице Екатерине ее сын Павел Петрович вступил на престол 6 ноября 1796 г., уже 42 лет от роду, пережив много тяжелых минут в своей жизни и испортив свой характер под влиянием холодных, неискренних и даже враждебных отношений, существовавших между ним и его матерью. Императрица Екатерина не только не любила своего сына, но даже подозрительно относилась к нему, так как не могла не видеть в нем претендента на власть, перешедшую к ней помимо Павла, от его отца, Петра III. Конечно, благодаря этой подозрительности, она держала Павла вдали от дел, не допуская его ни к участию в своем Совете и в администрации, ни к командованию войсками. Отсутствие любви к сыну вызывало в Екатерине небрежность в обращении с ним; такая же небрежность усвоена была и всеми любимцами императрицы. Павел был в открытой опале при дворе и не был гарантирован даже от дерзостей со стороны придворных его матери.

Понятно, как должно было все это угнетать и раздражать самолюбивого Павла, который, при всей своей вынужденной сдержанности, не мог не понимать, что право на его стороне, что унижения и оскорбления, которым он подвергался, составляют не просто дерзость и невежливость, а преступление. Чувство личной обиды соединялось у Павла и с чувством обиды за своего отца Петра III: судьба Петра оставалась ему в точности неизвестна до самой смерти Екатерины (когда он узнал, что смерть Петра III была случайной и что Екатерина в ней несколько не повинна); не был в точности известен ему и характер Петра III. Отношение Павла к матери поэтому было очень сложно и не могло быть беспристрастно.

Находясь в стороне от двора и политики, Павел искусственно ограничивал свои интересы семьей, личным хозяйством и командой над теми немногочисленными войсками, которые составляли гарнизон вновь устроенного Павлом городка Гатчины. На государственное управление и на придворную жизнь смотрел он со стороны, как чуждый зритель, и поэтому оценивал факты государственной жизни с полной свободой критики. Несовпадение его личных идеалов с тем, что совершалось на его глазах, вызывало в нем чувство глубокого недовольства ходом дел, осуждение и правящих лиц, и самой системы управления. Он рвался к деятельности, а возможности действовать у него не было никакой. Силы

ума поневоле растрчивались на мелочи и не обогащались необходимым опытом государственной деятельности.

При таких условиях император Павел, вступая во власть, обнаружил явную вражду к порядкам, существовавшим при дворе его матери, и к людям, имевшим влияние на дела при Екатерине. С первых минут его царствования стало ясно, что новый государь будет действовать с помощью новых людей и совершенно в новом направлении. Властные фавориты Екатерины потеряли всякое значение; раньше унижаемый ими Павел теперь высказывал самое высокое представление о существе своей власти. Исполненный самых лучших намерений, он стремился всей душой к благу государства, но отсутствие правительственных навыков мешало ему действовать удачно. Недовольный системой управления, он не мог найти вокруг себя способных людей, чтобы заменить ими прежнюю администрацию. Желая водворить порядок при дворе и в администрации, он громко осуждал и искоренял старое, новое же насаждал с такой строгостью, что оно всем казалось горше старого. Неподготовленность к делам сказывалась на всем, что делал Павел, и, соединясь с неровностью его характера, сообщала всем его мерам колорит чего-то случайного, болезненного и капризного. С годами горячность и впечатлительность Павла перешли в тяжелую способность терять самообладание из-за пустяков; любовь к порядку и законности заменялась пристрастием к внешним формам подчинения и благочиния; вспыльчивость обратилась в припадки жестокости. Если бы все эти черты Павла оставались в узких рамках его личной жизни, они были бы едва заметны для историка, но Павел свои случайные настроения переносил в законодательство и политику, и они стали неизбежным материалом для характеристики его как правителя.

А между тем какую симпатию будит в нас личность Павла в детские годы! Он рос под руководством умного Никиты Ив. Панина. Ни Панин, ни Порошин (один из младших наставников Павла, день за днем отмечавший в своем известном дневнике все поступки маленького Павла), и решительно никто не замечал в мальчике ненормальных психических черт или несимпатичных сторон характера. Наоборот, читая дневник Порошина, мы видим перед собой Павла живым, способным мальчиком, интересующимся серьезными для его возраста вещами. Павел 10-12-ти лет охотно занимался с Порошиным математикой и любил читать. Во время обеда, когда обыкновенно приходил его воспитатель, Н. И. Панин, за столом шел интересный и часто серьезный для лет Павла разговор, умело поддерживаемый Паниным; к сожалению, другие служебные обязанности отвлекали Панина от воспитательной должности, да и обращался он с Павлом сухо и несколько свысока, что в значительной степени парализовало влияние воспитателя на воспитанника. Но в более позднее время Павел ближе сошелся с Паниным, горячо его любил и горько оплакивал его кончину.

Важнейшие факты внутренней деятельности императора Павла не могут быть изложены в виде стройной и правильной системы управления именно потому, что в основе деятельности Павла лежали его личные чувства и взгляды, не всегда постоянные и определенные. Первым правительственным актом большой важности в царствование Павла был акт о престолонаследии, обнародованный при короновании его 5 апреля 1797 г. Порядок наследования определялся «Учреждением об императорской фамилии» очень подробно по праву «естественному». Вместо прежнего, установленного Петром Великим в 1722 г., порядка произвольного назначения наследника престола лицом царствующим устанавливался неизменный порядок перехода престола по прямой нисходящей линии от отца к старшему сыну, «дабы государство не было без наследника, дабы наследник был назначен всегда законом самим, дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать». Учреждение императора Павла, как нетрудно заметить, восстановляло и узаконивало

старый допетровский обычай перехода власти. Нарушение этого обычая Петром дало горькие плоды в XVIII в. и на самом Павле отразилось тяжелым образом. Под влиянием холодных отношений к матери у него создалась мысль о возможности лишиться своего законного права; мысль эта угнетала Павла задолго до смерти Екатерины; самый акт о престолонаследии составлен был им и его супругой Марией Федоровной (урожденная София-Доротея Вюртембергская, внучка сестры Фридриха II Прусского) задолго до обнародования его, еще в 1788 г., в те дни, когда Павел думал ехать из Петербурга на театр шведской войны.

Менее важны были мероприятия императора Павла в сфере управления и относительно сословий. Недовольный приемами екатерининской администрации и беспорядком в делах, Павел перенес свое недовольство от злоупотреблений на административную систему, при которой эти злоупотребления существовали. Он, можно сказать, пытался даже изменить эту систему: восстановил упраздненные при Екатерине коллегии, изменил административное деление России, уменьшив число губерний), возвратил прежние формы управления окраинам государства, тем областям, которые отошли к России от Швеции и Польши, отменил многое в том местном самоуправлении, на котором была построена при Екатерине местная администрация. Все эти меры императора Павла, нарушая стройность прежней системы, ничего нового, однако, взамен не создавали; они мало приносили пользы, иногда же клонились и ко вреду. Общие формы управления, действовавшие во всем государстве, были распространены Екатериной на недавно приобретенные провинции западные и юго-западные, конечно с целями скорейшего слияния их населения с основным населением государства; реформы Павла испортили это разумное дело. Восстановление коллегий не вдохнуло новой жизни в отжившие учреждения, и преемник Павла, император Александр, заменил коллегии министерствами.

В отношении сословий политика императора Павла проникнута была тем же духом противоречия политике Екатерины, какой замечен и в его административных мерах. Ряд привилегий, данных Екатериной дворянству и в меньшей степени горожанам, не согласовался с личными взглядами Павла на государственное положение русских сословий. Император не допускал возможности существования в государстве привилегированных лиц, а тем более целых групп, и высказал это в очень резких фразах. «В России велик только тот, с кем я говорю, и только пока я с ним говорю» – так выразился однажды Павел в беседе о русских аристократах. Ясно, что не только закрепления, но и соблюдения сословных прав, созданных Екатериной, от Павла ожидать было трудно. И действительно, Павел уничтожил некоторые привилегии высших классов (при нем дворяне и горожане снова подпали телесным наказаниям за уголовные преступления); Павел ограничил во многом действие Жалованных грамот 1785 г., стеснил местное самоуправление. Он установил законом 1797 г. высшую норму крестьянского труда в пользу помещиков (три дня барщины в неделю) и таким образом положил первое ограничение помещичьей власти. К тому же ограничению вело и запрещение продавать дворовых людей и крестьян без земли с молотка. Такое направление мер Павла в защиту низшего класса и в ущерб интересам высших классов указывает на начало переворота в правительственной деятельности, который наступил яснее в эпоху императора Александра I и позднее повел к падению крепостного права и исключительных сословных привилегий. Под влиянием распоряжений Павла крестьянство заговорило о свободе от помещиков, и уже в 1797 г. начались крестьянские волнения во внутренних губерниях. Однако, отмечая противодворянские тенденции Павла, не следует придавать им характера сознательной и планомерной деятельности в пользу простонародья и против крепостничества. Твердо стоя на одном принципе самовластия, Павел, впрочем, не

выдерживал своих настроений и, как во всем, далек был от строгой последовательности и в сословной политике. При нем в Новороссии был воспрещен существовавший там свободный переход крестьян, а в центральных местах масса казенных населенных земель была пожалована в частное владение, и тем самым крестьяне государственные обращались в частновладельческих, т. е. крепостных. В 4 года царствования Павел раздал более полумиллиона крестьян, тогда как Екатерина за 36 лет своего царствования раздала их 800 000 (обоюго пола).